

И. Д. АНДРЕЕВ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА ¹

Непосредственное сравнение отдельных индоевропейских языков позволило установить облик праязыка эпохи его распада. Решение этой задачи составило основное содержание классической индоевропеистики, которая — при всех ее громадных достижениях — имела в основном констатирующий характер и со времени младограмматиков почти не занималась вопросом о доистории и реконструируемого состояния праязыка. Попытку проникнуть в доисторию праиндоевропейского предпринял А. Кюни, опубликовавший ряд работ, посвященных сравнению индоевропейского языка с семито-хамитским ². В своей основе разыскания Кюни представляли собой реконструкцию фонетической системы, отдельных корней и отдельных окончаний «иностранного» языка — предполагаемого общего предка двух сопоставляемых семей.

Принципиальная слабость построений Кюни состоит в том, что он сравнивает праиндоевропейский и прасемитохамитский эпохи их распада, т. е., по существу, завершающие этапы их эволюции. Сравнение же дает надлежащие результаты лишь при рассмотрении древнейших этапов развития языков, когда они еще относительно близки к языку-предку. Кюни не учитывает этого и не стремится установить характер раннего праиндоевропейского и раннего прасемитохамитского, довольствуясь сравнением их поздних состояний; с таким же успехом мы могли бы попытаться восстановить структуру индоевропейского путем прямого сопоставления современного английского с современным хинди.

Появление основополагающих работ Э. Бенвениста и Е. Куриловича ³ ознаменовало собою начало новой эпохи индоевропейского языкознания, которую, в отличие от ее классического периода, можно назвать современной индоевропеистикой. Принципиальное отличие двух указанных работ от трудов Бругмана и Мейе ⁴ состоит в применении метода

¹ Решительно предпочитаем этот традиционный термин русской индоевропеистики весьма неудачному новому термину «язык-основа». На стороне традиционного термина все преимущества: и выразительная краткость, и отсутствие нежелательных ассоциаций («атематические основы языка-основы»), и, наконец, то обстоятельство, что от него исцеляется производное прилагательное «праязыковой», в то время как от «языка-основы» никаких производных образовать нельзя.

² Последняя из них, как бы подводящая итог исканиям автора: A. C u n y, *Invitation à l'étude comparative des langues indo-européennes et des langues chamito-sémitiques*, Bordeaux, 1946.

³ E. B e n v e n i s t e, *Origines de la formation des noms en indo-européen*, Paris, 1935 (русск. перевод: Э. Б е н в е н и с т, *Индоевропейское именное словообразование*, М., 1955); J. K u r y ł o w i c z, *Études indoeuropéennes*, Kraków, 1935.

⁴ K. B r u g m a n n, *Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch* («Grundriss der vergl. Grammatik der indogerm. Sprachen», Bd. II), 2-e bearb. Aufl., Strassburg, 1906—1916; A. M e i l l e t, *Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes*, 7-e éd., Paris, 1934 (русск. перевод: А. М е й е, *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, М.—Л., 1938).

внутренней реконструкции. Центральной частью работы Куриловича и — в еще большей степени — работы Бенвениста явился анализ структуры индоевропейского корня. Оба исследователя одновременно и независимо друг от друга пришли к выводу, что типы индоевропейских основ, получаемые из сравнения отдельных индоевропейских языков и характерные для праязыка эпохи распада, возникли из иной, более простой и вместе с тем более подвижной структуры основ, существовавшей в более раннюю эпоху. Отличительной чертой этой структуры было наличие двух состояний основы [первое состояние (I)**perk'*, второе состояние (II)**prek'*; ср. литовск. *peršù*: ст.-слав. *прѣснѣти*], противопоставленных друг другу местом аблаутного гласного. Опираясь на ларингальную теорию, Бенвенист установил, кроме того, что индоевропейский корень был двухконсонантным и что он всегда начинался с согласного (к последнему выводу пришел и Курилович). Наконец, Бенвенист показал, что развитая падежная система индоевропейского праязыка эпохи распада сложилась на базе словообразовательных аффиксов и что этой развитой системе предшествовала значительно более простая.

Общей чертой послевоенных работ Боргстрёма, Шпехта и Лемана¹ является стремление идти своими собственными путями, но в том же общем направлении: на основе метода внутренней реконструкции устанавливая доисторию определенных сторон системы праязыка.

Переходя непосредственно к вопросу о периодизации истории индоевропейского праязыка, необходимо прежде всего установить достаточно эффективный принцип деления по периодам. Таким основанием деления, как мы увидим из всего последующего изложения, должен быть изменяющийся характер структуры корня и основы.

По данным классической индоевропеистики, в праязыке эпохи распада основа была многоморфемной, причем границы морфем далеко не всегда поддаются точному определению ввиду далеко зашедшего процесса сращения элементов слова (**nig^{wh}os*) лат. *nix*, *niuet* «снег» и **snoig^{wh}os*) ст.-слав. *снѣгъ*, гот. *snaiws*; или: **mēti*, **mētós*) санскр. *māti* «мерит», *mitāh* «измеренный» и **mēdonom*, **modios*) гот. *mitan* «мерить», лат. *modius* «четверик»).

Для предшествующей эпохи Э. Бенвенист устанавливает в конечном счете двухморфемную основу, состоящую из двухконсонантного корня и одноконсонантного детерминатива (суффикса или распространителя). При этом зависимость между двумя указанными компонентами основы имеет — в терминах структурализма — характер селекции, поскольку вид детерминатива определяется видом корня и детерминатив невозможен без корня (**ter-* выступает с суффиксами: II **tr-em-*) лат. *tremō* «дрожу»; ст.-слав. *трѣсх*, I **ter-s-*) лат. *terreō* «страшу»; II **tr-es-*) греч. *τρέω* «дрожу»; II **tr-ep-*) лат. *trepidō* «трепещу», ст.-слав. *трѣпѣтъ*).

На том основании, что многие корни, входящие в состав двухморфемных основ, могут выступать самостоятельно, без второй морфемы (**xei-d-*) ст.-слав. *идх*; **xei-sk-*) др.-в.-нем. *eiskōn*; ст.-слав. *искати*, и просто: **xei-*) греч. *εἶμι* «иду», санскр. *ēmi*, лат. *īt* «идет»), следует предположить, что двухморфемной основе предшествовала одноморфемная, равная корню. Такой вывод, по существу, является прямым следствием разысканий Бенвениста, доведенных до их логического завершения.

¹ С. Н. Borgström, Internal reconstruction of Pre-Indo-European word-forms, «Word», vol. 10, №2—3, 1954; F. Specht, Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen, 1947; W. P. Lehmann, Proto-Indo-European phonology, Austin, 1952.

Таким образом, рассматривая историю праиндоевропейского языка с точки зрения состава и структуры основы, мы можем выделить три периода в его развитии: 1) раннеиндоевропейский (РИЕ) — период одноморфемных основ; 2) среднеиндоевропейский (СИЕ) — период двухморфемных основ; 3) позднеиндоевропейский (ПИЕ) — период многоморфемных основ.

В рамках данной периодизации двухконсонантный корень Бенвениста в РИЕ оказывается тождественным основе, в СИЕ является главной морфемой основы и выступает в двух видах (I и II состояние) и, наконец, в ПИЕ срastaется с последующими элементами в многоморфемную основу и зачастую не ощущается более как самостоятельный элемент слова.

Анализ того, как развивался индоевропейский консонантизм, целесообразно начать с выяснения природы и эволюции так называемых индоевропейских «ларингалов» (получивших это название от сторонников гипотезы семито-хамито-индоевропейского единства).

Хотя так называемая «ларингальная» теория со времени ее появления в 1927 г.¹ получила значительное развитие², до сих пор нет единого, всеми разделяемого мнения ни по вопросу о количестве разновидностей консонантного шва, ни по вопросу об их фонетической природе.

В уже упомянутой работе Лемана автор высказал предположение, что по крайней мере один из «ларингалов» имел не ларингальную, а заднеязычную артикуляцию. В диссертации В. В. Иванова³ показано, что хеттское *h* было заднеязычным спирантом, и высказана мысль об аналогичной природе соответствующего индоевропейского звука. Наконец, А. Мартинс в своих недавно опубликованных работах⁴ тоже приходит к заключению, что один из «ларингалов» (H_2) был заднеязычным или фарингальным фрикативом, а другой (H_3) являлся противопоставленным ему лабиовелярным. Можно сказать, что «ларингальная» теория вступила в такую фазу своей эволюции, когда концепция ларингального характера разновидностей индоевропейского шва не является больше догмой.

По нашему мнению, ни один из вариантов индоевропейского шва не имел ларингальной артикуляции — все они артикулировались в ротовой полости, там же, где и индоевропейские «гutturальные» смычные, отличаясь от последних не местом, а способом артикуляции: если $*k'$, $*k$ и $*k^w$ были глухими смычными, то $*x'$ ($= a_1 = H_1$), $*x$ ($= a_2 = H_2$) и $*x^w$ ($= a_3 = H_3$) представляли собой соответствующие им глухие щелевые.

Согласуясь между собой данные индоевропейских диалектов указывают на наличие трех индоевропейских небных спирантов («ларингалов»): $*\bar{x} + *x' > *e$; $*\bar{x} + *x > *a$; $*\bar{x} + *x^w > *o$. Четвертый «ларингал» (a_4 или H_4), реконструируемый исключительно на основании своеобразно истолкованных данных хеттского языка, не находит себе места в триаде индоевропейских долгих гласных.

В итоге мы получаем следующую предварительную схему индоевро-

¹ См. J. Kurjowicz, *Les indoeuropéens et le hittite*, «Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski», I, Cracoviae, 1927.

² Детальные обзоры «ларингальной» теории даны в статьях: L. Zgusta, *La théorie laryngale*, «Archiv orientální», vol. XIX, № 3—4, 1951; E. Polomé, *Zum heutigen Stand der Laryngaltheorie*, «Revue Belge de philologie et d'histoire», t. XXX, №№ 1—2, 3—4, 1952; ср. обзор В. Пизани «Общее и индоевропейское языкознание» (сб. «Общее и индоевропейское языкознание», перевод с нем., ред. и предисл. В. А. Звегинцева, М., 1956).

³ В. В. Иванов, *Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры*. Автореф. канд. диссерт., М., 1955.

⁴ Последняя из них: А. Мартинс, *Some cases of -k-/-w-alternation in Indo-European*, «Word», vol. 12, №1, 1956.

пейских шумных согласных:

Ряды	Губной	Зубной	Средне-язычный	Задне-язычный	Лабнолингвальный
Традиционные группы:					
Глухие простые	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k'</i>	<i>k</i>	<i>k^w</i>
Звонкие простые	(<i>b</i>)	<i>d</i>	<i>g'</i>	<i>g</i>	<i>g^w</i>
Звонкие придыхательные	<i>bh</i>	<i>dh</i>	<i>g'^h</i>	<i>g^h</i>	<i>g^w^h</i>
Спиранты	—	<i>s</i>	<i>x'</i>	<i>x</i>	<i>x^w</i>

Предлагаемая интерпретация «ларингалов» позволяет по-новому подойти к разрешению спора о количестве небных («гutturальных») рядов: наличие трех долгих гласных, указывая на три контрагированных спиранта, оказывается веским доводом в пользу концепции трех, а не двух рядов.

Ослабление артикуляции индоевропейских небных спирантов, приведшее к их «падению», происходило с разной скоростью в различных диалектах: в хетском оно только началось, в армянском и индо-иранском продвинулось весьма далеко, в греческом вокализация, по-видимому, уже полностью осуществилась, хотя отражения трех спирантов еще различны. В остальных же диалектах рефлексы всех трех спирантов совпали (кроме случая стяженных долгих).

Считалось, что из всех индоевропейских диалектов консонантный характер небных спирантов хорошо сохранен в хетском и лишь в особых случаях — в индо-иранском и армянском. Однако Мартин продемонстрировал, что в определенных конечных позициях (типа «гласный + небный спирант + зубной спирант») консонантный характер небного спиранта сохраняется во всех индоевропейских диалектах (лат. *senātus* < **senextos* при *senec* - *s* < **senexs*, гот. *qius* < **g^wix^wos* при др.-англ. *cwicu* < **cwics* < **g^wix^ws*)¹.

В свете этих данных можно утверждать, что «падение» индоевропейских небных спирантов (т. е. их вокализация или исчезновение) нельзя считать ни одновременным актом, охватывающим все позиции, ни повсеместным явлением. Правильнее говорить не о «падении» небных спирантов, а о значительном ослаблении их артикуляции (**x* > **h*) при переходе от СИЕ к ШИЕ. Что же касается полной вокализации (**h* > **o*) или исчезновения (**h* > нуль), то их следует датировать начальной эпохой самостоятельного существования тех индоевропейских диалектов, где это произошло.

Одним из наиболее неясных и спорных мест индоевропейского консонантизма является фонетическая природа «звонких придыхательных» **bh*, **dh*, **g'h*, **gh*, **g^wh*. В самом деле, рефлексы этих звуков по диалектам чрезвычайно разнообразны; для наглядности мы сведем их в таблицу, из которой видно, что налицо все мыслимые отражения:

	Смычные	Придыхательные	Спиранты
Глухие	в хетском	в греческом	в латинском (начально)
Звонкие	в славянском, балтийском, кельтском, иранском, латинском (медially)	в индийском	в германском

В приведенной таблице столбцы слева направо и строки сверху вниз расположены в порядке убывания интенсивности, т. е. суммарной артикуляционной энергии.

¹ См. A. Martinet, Le couple SENEX—SENATVS et le «suffixe» -k-, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. LI, fasc. 1, 1955; см. также уже упомянутую статью A. Мартина в журн. «Word».

Известно, что глухие — более сильные, чем звонкие; промежуточную ступень между ними образуют полувонкие. Наблюдения показывают, что у придыхательных затвор ослаблен, вследствие чего они менее интенсивны, чем простые смычные. В свою очередь, в некоторых языках (например, в корейском) сами смычные подразделяются на произносимые энергично (= сильные) и произносимые вяло (= слабые). Наконец, существуют языки (например, итальянский, финский), противопоставляющие смычные с заметной выдержкой (=долгие) смычным с мгновенной выдержкой (=кратким). Естественно, что длительное удерживание речевых органов в положении затвора требует большей затраты мускульной энергии, чем короткое.

В итоге мы получаем две градации по интенсивности: 1) глухие/полувонкие / звонкие — резонантная градация; 2) сильные долгие смычные / сильные краткие смычные / слабые смычные (придыхательные) / спиранты — динамическая градация.

Фурке для общегерманского и Милевский для хеттского выдвинули предположение о том, что в этих языках развилось отношение согласных по силе и слабости, заменившее собой индоевропейское отношение глухости /звонкости, т. е. что резонантная градация сменилась в этих языках динамической, в противоположность остальным диалектам, сохранившим резонантную градацию¹. Нам представляется, что дело обстоит как раз наоборот: то, в чем Фурке и Милевский усматривают новшество, было в действительности архаизмом—именно динамическая градация лежала в основе индоевропейского консонантизма, не имевшего звонких шумных; единственными звонкими элементами индоевропейской системы согласных были сонанты. Вместо трех традиционных групп: глухие простые, звонкие простые, звонкие придыхательные, мы восстановим для ПИЕ четыре группы: глухие сильные (*P, *T, *K', *K, *K^w), глухие слабые (*p, *t, *k', *k, *k^w), глухие придыхательные *ph, *th, *k'h, *kh, *k^wh) и глухие спиранты (*s, *h', *h, *h^w).

СИЕ консонантизм мало отличался от ПИЕ; основное различие заключалось в более энергичной артикуляции небных спирантов, на этой стадии представлявших собой напряженные шелевые *x' (типа нем. *Ich-Laut*), *x (типа русского твердого x в *пахать*), *x^w (более шумного, чем американск. [hw] в *what*). Переход от СИЕ к ПИЕ консонантизму состоял, следовательно, в динамическом ослаблении спирантного звена.

Давно установлено, что не существует индоевропейских корней типа *bhet- или *tebh- (все реконструированные формы этого параграфа даны в традиционной символике). В рамках классического понимания индоевропейского консонантизма для этой закономерности не нашлось объяснения: действительно, ее нельзя истолковать как ассимиляцию по звонкости, ибо существуют корни, сочетающие звонкие простые и глухие простые (*ped-/*pod-, лат. *pedem*). Вместе с тем ее нельзя истолковать и как ассимиляцию по придыхательности, ибо существуют корни, сочетающие звонкие придыхательные и звонкие простые (*bheg^w-/*bhog^w-, греч. φέβομαι, φοβέομαι).

ПИЕ шумные в целом были интенсивнее, чем развившиеся из них звуки отдельных индоевропейских диалектов. Отличие СИЕ системы шумных от ПИЕ опять-таки состояло в большей интенсивности одной из групп фонем. Предположив, что в ПИЕ артикуляция смычных отличалась еще большей, максимальной интенсивностью, мы приходим к заключению, что СИЕ сильным кратким (*P, *T, *K', *K, *K^w) предшествовали сильные долгие (нередко именуемые эмфатическими — *PP, *TT, *KK', *KK, *KK^w) СИЕ слабым (*p, *t, *k', *k, *k^w) — ПИЕ сильными краткими (*P, *T, *K', *K, *K^w) и СИЕ придыхательным (*ph, *th, *k'h, *kh, *k^wh) — ПИЕ слабым (*p, *t, *k', *k, *k^w).

¹ См.: J. Fourquet, *Les mutations consonantiques du germanique*, Paris, 1948; T. M i l e w s k i, *La mutation consonantique en hittite et dans les autres langues indoeuropéennes*, «Archiv orientální», vol. XVII, pars II, 1949.

Представим изложенное выше в виде таблицы:

Группы интенсивности	Глухие шумные РИЕ периода	Глухие шумные СИЕ периода	Глухие шумные ПИЕ периода	Основавшая на санскрите традиция
1-я	эмфатические <i>PP, TT, KK', KK, KK^w</i>	сильные <i>P, T, K', K, K^w</i>	сильные <i>P, T, K', K, K^w</i>	глухие простые <i>p, t, k', k, k^w</i>
2-я	сильные <i>P, T, K', K, K^w</i>	слабые <i>p, t, k', k, k^w</i>	слабые <i>p, t, k, k', k^w</i>	звонкие простые <i>b, d, g', g, g^w</i>
3-я	слабые <i>p, t, k', k, k^w</i>	придыхательные <i>ph, th, k'h, kh, k^w h</i>	придыхательные <i>ph, th, k'h, kh, k^w h</i>	звонкие придыхательные <i>bh, dh, g'h, gh, g^wh</i> —
4-я	спиранты <i>s, x', x, x^w</i>	спиранты <i>s, x', x, x^w</i>	спиранты <i>s, h', h, h^w</i>	<i>s, ø</i>

Теперь мы получаем возможность объяснить отсутствие корней типа **bhet-*. Этому их традиционному представлению соответствует ПИЕ-СИЕ **phēT-* и РИЕ **peTT-*. Таким образом, данное явление расшифровывается как отсутствие в РИЕ корней с шумными смычными полярной интенсивности. Перед нами не что иное, как древнейшая динамическая ассимиляция внутри одноморфемной РИЕ основы.

Переход от РИЕ консонантизма к СИЕ, состоявший в динамическом ослаблении шумных смычных, целесообразно назвать первым индоевропейским перебоем; переход от СИЕ консонантизма к ПИЕ, состоявший в динамическом ослаблении небных спирантов, — вторым индоевропейским перебоем; переход от ПИЕ консонантизма к системам согласных отдельных индоевропейских диалектов, состоявший отчасти в динамическом, отчасти в резонантном ослаблении, — третьим индоевропейским перебоем¹.

Общей причиной всех трех индоевропейских перебоев было изменение структуры основы (стр. 5): по мере возрастания морфемного состава слова ослаблялась удельная интенсивность каждого из его элементов.

В конце XIX и в начале XX в. считалось, что праиндоевропейская фонологическая система была чрезвычайно богата гласными. Однако ее объем, определенный классической индоевропеистикой (**ē*, **ē̄*, **ō*, **ō̄*, **ā*, **ā̄*, **ī*, **ī̄*, **ū*, **ū̄*, **ū̄*, **ō̄*, **ī̄*, **ī̄̄*, **ū̄̄*, **ū̄̄*, **ū̄̄*, **ō̄̄*) в свете анализа, проделанного основоположниками «ларингальной» теории, оказывается значительно меньшим. Прежде всего долгие гласные сонанты и долгое *ā* оказались разложимыми на соответствующий краткий гласный плюс небный спират («ларингал»). Далее, значительная (если не большая) доля всех долгих **ē̄* и **ō̄̄* также оказалась разложимой на **ē̄* или **ō̄̄* плюс небный спират. Все же известная часть случаев **ē̄* и **ō̄̄* обнаруживает иное происхождение — из уравнительного удлинения при редукции смежного слога или из заместительного удлинения при выпадении одной из фонем (ПИЕ **PhTēr* < СИЕ **PxTērs*, т. е. в традиционных символах: **psīēr* < **psīērs*). Таким образом, ПИЕ вокализм сводится к кратким **e*, **o*, **a*, **i*, **u*, **ɛ*, **ɪ*, **ɨ*, **ʊ* и долгим **ē* и **ō̄̄*, встречающимся сравнительно редко.

Очевидно, что индоевропейские сонанты могли выступить в слоговом качестве лишь после того, как исчезли исконные гласные, некогда смежные с ними. Последнее было достигнуто лишь благодаря полиморфемизации, т. е. с переходом к многоморфемной основе. Двухморфемная же основа всегда имела хотя бы один аблаутный гласный (см. выше), в силу чего сонанты в ней не выступали в качестве самостоятельных слогообразующих элементов. Редукция слога и выпадение фонемы в определенном положении также представляли собой следствие полиморфемизации. На

¹ В частности, первый германский перебой был лишь одной из разновидностей третьего индоевропейского.

этом основании СИЕ вокализм следует считать гораздо более простым, чем систему ПИЕ периода: в СИЕ было лишь три слогообразующих фонемы — краткие *e, *o и *a.

Существование двух состояний основы (см. выше) решающим образом связано с ее диморфемизацией; в свою очередь чередование гласных неотделимо от двух состояний основы.

РИЕ период с его простейшими основами не имел морфологического чередования гласных, и, соответственно, СИЕ фонемы *e, *o, *a были в эту древнейшую эпоху лишь позиционными вариантами (= аллофонами) единственной слогообразующей фонемы, которую поэтому следует называть не гласным, а с и л л а б е м о й.

Силлабема *A выступала в трех вариантах: переднем *A_e (рядом со среднеязычными глухими и *j), заднем *A_a (в большинстве случаев) и огубленном *A_o (рядом с лабиовелярными и губными глухими, а также *m и *w). Можно сказать, что передний (*A_e) и огубленный (*A_o) аллофоны были с п е ц и а л и з и р о в а н н ы м и вариантами силлабемы, тогда как *A_a было н е й т р а л ь н ы м вариантом, не имевшим обусловленного характера¹.

Превращение вариантов силлабемы в самостоятельные фонемы связано с изменением структуры слова и генезисом аблаута, разбираемым ниже (стр. 10—11). Согласно традиционному воззрению, индоевропейский аблаут обязан своим происхождением действию музыкального ударения: различные тембры гласного возникали в различных акцентуационных условиях. Обоснованию данной гипотезы специальную монографию посвятил Хирт²; из нее ранее исходил Курилович, а в последнее время — Леман.

Данные языков с политональным фонетическим строем не подтверждают эту гипотезу. Действительно, во вьетнамском языке, обладающем двенадцатью гласными фонемами, каждая из них представлена в шести тонах. Специальное исследование вьетнамского вокализма показало³, что н и к а к о г о изменения качества ни в одном из тонов ни с одной из гласных не происходит. Поэтому следует признать, что традиционная концепция генезиса аблаута, связывающая его с действием тона, покоится на весьма шаткой основе.

Помимо этого главного замечания, может быть сделан ряд дополнительных: во-первых, тональная теория оставляет открытым вопрос о причинах передвижений ударения, обусловивших различие между I и II состоянием; во-вторых, она не дает ответа на вопрос о том, почему *a все же встречается в чередовании с *e и *o, хотя и чрезвычайно редко.

Для того периода, когда основа была одноморфемной, т. е. для РИЕ, ее двухконсонантный характер естественным образом определял место силлабемы между согласными: *x' A_j - (греч. εῖ—санскр. é-). Так как РИЕ согласные произносились с максимальной энергией (см. стр. 7), то за вторым из них всегда следовал пазвук, фонетически отличавшийся от силлабемы весьма малой интенсивностью артикуляции, а фонологически — отсутствием смысловозначительного качества (см. ниже, стр. 14). Иначе говоря, РИЕ корень-слово был типа *x' A_тъ (гот. *itan*, санскр. *admi*), где *ъ обозначает неслоговой пазвук, а *A — силлабему.

Выделяемые при анализе индоевропейских корней детерминативы имеют, как правило, одноконсонантный характер и не обнаруживают самостоятельной, независимой от корня, огласовки. Это означает, что в РИЕ они представляли собой элементы, слоговая часть которых не обладала той интенсивностью, какая характеризовала силлабему.

¹ Очевидно, что концепция единственного РИЕ гласного в таком виде весьма далека от индоевропейских построений Ельмслева (см. L. Hjelmslev, *Quelques réflexions sur le système phonique de l'indo-européen*, «Mélanges linguistiques offerts à H. Pedersen...», Aarhus — København, 1937).

² H. Hirt, *Der indogermanische Ablaut*, Strassburg, 1900.

³ Имеется в виду выполненное М. В. Гординой в сотрудничестве с автором данной статьи экспериментальное исследование, публикуемое в настоящее время в юбилейном выпуске «Вестника Ленинградского университета», посвященном 100-летию Восточного факультета ЛГУ.

Обозначив структуру РИЕ полнозначного слова символом $C^1AC^2\bar{a}$, а структуру частицы — символом $C\bar{a}$, мы можем сделать следующее обобщение: силлабема находилась между предпоследним и последним согласным, а в остальных положениях приконсонантным элементом являлся пазвук $*\bar{a}$.

Сращение РИЕ двухконсонантного слова с модифицирующей частицей, т. е. превращение их обоих в морфемы (соответственно в корень и детерминант) мы назвали выше диморфемизацией основы. Диморфемизация основы представляла собой начало нового, СИЕ периода истории языка, начало полной перестройки его типологии и, в частности, отправки точку генезиса аблаута.

Предположив, что закон местонахождения силлабемы перед последним согласным (отчасти подобный основному акцентному закону итальянского языка) сохранял свою силу по крайней мере в течение некоторого времени после диморфемизации, мы получим следующую структуру исходного и производного слова: исх. $C^1AC^2\bar{a}$ — произв. $C^1AC^2\bar{a} + C\bar{a} > C^1\bar{a}C^2AC^3\bar{a}$, например: I $*x^1\lambda^j\bar{a} - *x^1\lambda^j\bar{a} + *x^1\bar{a} > \text{II } x^1\bar{a}j\lambda x^2\bar{a}$, или, в символах ларингалистики: I $*\bar{a}_1e\bar{i}^e - *e_1\bar{a}_1\bar{i}^e + *e_1^e > \text{II } e_1^e\bar{i}e\bar{a}_1^e$ (ср. соответственно санскр. I \bar{e} - и II $y\bar{a}$ -).

Таким образом, в результате диморфемизации основы создано различие между звучанием соответствующих фонетических групп в продолжавшем существовать исходном и возникшем рядом с ним производном слове: I C^1A - : II $C^1\bar{a}$ - и I $C^2\bar{a}$ - : II C^2A -. Чередование $*A$: $*\bar{a}$ ($*\bar{a}$: $*A$) и было первой фазой генезиса индоевропейского аблаута. Условимся называть эту фазу периодом силлабических чередований.

Выше было сформулировано положение о трех аллофонах силлабемы $*A$, $*A_1$, $*A_2$, из которых первый и третий были специализированными и встречались в меньшинстве позиций, а второй — нейтральным, не специфицированным, и, встречаясь в большинстве позиций, составлял фон, на который как бы проектировались остальные два. С чисто фонетической точки зрения вариантов было, разумеется, больше, поскольку на артикуляцию силлабемы влияли оба смежных согласных, т. е. происходило нечто подобное дифференциации разных типов русского [a] в словах *пат, надь, (до) пят, пить*. Латинское *bonus* из *duenos*, *colō* из **quelo*, ново-англ. [wɒt] при отражающей старое произношение орфографии *what* показывают, что в зависимости от окружения позиционная лабиализация также может быть разных степеней. Однако по отношению к основному, нейтральному аллофону все более или менее огубленные разновидности силлабемы структурно объединялись в единый, лабиальный аллофон, а все ее разновидности, более или менее продвинутое вперед, — в единый передний аллофон.

До тех пор пока основа была одноморфемной (т. е. в РИЕ), каждый частный случай реализации специализированных аллофонов не был связан с другими случаями и в силу этого не взаимодействовал с ними. Рассмотрим теперь условия, которые создавались при диморфемизации, взяв, к примеру, модификатор $*w\bar{a}$: $CAk^w\bar{a} + w\bar{a} > C\bar{a}k^wAw\bar{a}$, где $A = [\omega]$; $CAr\bar{a} + w\bar{a} > C\bar{a}rAw\bar{a}$, где $A = [o]$; $CAt\bar{a} + w\bar{a} > C\bar{a}tAw\bar{a}$, где $A = [ɔ]$; $CAk^{\bar{a}}\bar{a} + w\bar{a} > C\bar{a}k^{\bar{a}}Aw\bar{a}$, где $A = [ə]$.

Продолжив это рассмотрение на все мыслимые случаи сочетания с $*w\bar{a}$, мы увидим, что в большинстве их возникает лабиальный аллофон, тогда как в меньшинстве (при среднеязычных) сохраняется нейтральный.

Известно, что если какое-либо изменение осуществляется в большинстве членов определенного ряда, где данное изменение обусловлено, то оно имеет тенденцию осуществиться и в тех остающихся членах этого ряда, где оно не обусловлено. Примером может служить замещение *e* посредством *ĕ* в русском языке (ср. *берѣте* — *берѣм, берѣт*). Принято называть такой процесс изменением по аналогии, что весьма неточно, ибо суть дела состоит в том, что явление распространяется как раз на те позиции, которые не вполне аналогичны позициям, его создавшим. Немецкое «Systemzwang»

точнее выражает существо понятия, но оно несколько шире по содержанию; мы будем употреблять термин «транссессия».

В формах типа *berēte* транссессия привела к появлению фонемы [o] в такой позиции, где она раньше не встречалась (между двумя палатализованными согласными); транссессия **тчем* > *ткѣм* (в ряду *ткѣ, ткѣт, ткѣть*) привела после перехода *e* > *ѣ* к превращению [k'], бывшего до того вариантом [k], в самостоятельную фонему. Это иллюстрирует возможность транссессионного освобождения аллофона от породивших его условий и последующей фонематизации его.

Вернемся к модификатору **w̥*, превращенному в детерминатив после диморфемизации: достаточно того, чтобы в ряду возникших форм произошла транссессия лабиального варианта, как благодаря этому данный аллофон стал спутником определенного детерминатива. Таким образом, за детерминативами среднеязычного ряда (обозначим их знаком *C'*) закреплялся один специализированный аллофон, за детерминативами губных и огубленных рядов (*C^w*) — другой, тогда как прочие продолжали сохранять нейтральный вариант силлабемы. Из этого следует, что при определенных группах детерминативов чередование **А*: **ѡ* приобретало вид **e*: **ѡ* или **o*: **ѡ*. Если учесть, что от одного и того же корня зачастую образовывались производные с различными детерминативами (см. выше, а также многочисленные примеры в работах Перссона¹ и в IX главе книги Бенвениста), то легко понять, что в системе дериват на базе отношений [C₁ѡC₂]eC'ѡ : [C₁ѡC₂]A C'ѡ : [C₁ѡC₂]oC^wѡ складывались также и чередования **e*: **А*, **o*: **А*; **e*: **o*. Вся эта пестрая совокупность словообразовательных вариаций чередования представляла собой вторую фазу генезиса индоевропейского аблаута; условимся называть ее периодом транссессионных чередований.

Развитие индоевропейских имен на *-*lo*, давших русские формы прошедшего времени, наглядно показывает, как категория, бывшая некогда чисто словообразовательной, стала полностью морфологизованной.

Нет ни возможности, ни необходимости в рамках данной статьи разбирать вопрос о том, какие из первичных словообразовательных аффиксов и в какой последовательности были морфологизованы: в засвидетельствованных языковых формах мы можем в лучшем случае найти лишь трудно распознаваемые следы этого первого пласта индоевропейской морфологии (возможно, что к ним принадлежит, например, перфектное **w* в санскр. *tatā-u*, лат. *nō- u-ī* и т. д.; см. ниже, стр. 15). Для нас существенно то, что древнейшие грамматикализованные морфемы возникли из словопроизводственных типов; то, что в СЛЕ дело обстояло именно так, весьма убедительно показано Бенвенистом на примере местного падежа на *-*n/ *-r/ *-i* (санскр. *āhar, āhan, āhani*), гетероклитического склонения на *-*n/ *-r/>(*-i)* и словообразовательных групп с этими аффиксами.

Ввиду того что вторая морфема с течением времени грамматикализовалась, т. е. получала уже не деривационное, а морфологическое значение, закрепленный за данной морфемой тип аллофона ассоциировался с этим развившимся грамматическим значением, приобретая тем самым сопряженную морфологичность, т. е. еще не автономный, но уже ясно выраженный морфологический характер.

Объединение нескольких грамматикализованных форм в одну парадигму (например, в спряжение по лицам или в гетероклитическое склонение) имело следствием взаимодействие объединившихся форм и, в частности, транссессию определенного типа огласовки уже независимо от фонетического состава аффиксов — либо на морфологически обособленную часть парадигмы, либо на всю парадигму (см. стр. 10). Этот процесс означал не что иное, как развитие сопряженной морфологичности аллофона в автономную; тем самым завершался начатый диморфемизацией (см. стр. 10 и 11) отрыв аллофона от создавших его положений и превращение

¹ См.: P. P e r s s o n, Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung und Wurzelvariation, Upsala, 1891; ero же, Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, Uppsala—Zeipzig, 1912.

его в самостоятельную фонему. Так были фонологизованы $*e < *A_e$, $*o < *A_o$, $*a < *A_a$ и коррелятивным образом $*ъ$, позднее перешедший в нуль или сохранный в виде *shva secundum*.

Остается ответить на поставленный нами ранее (стр. 9) вопрос о причинах преобладаний морфологических чередований $*e/*o/*ъ$ и редкости чередований с $*a$ в ПИЕ. Ассоциация аллофона с грамматикализованным значением не создавала контраста к фону (см. стр. 10), если ассоциировался нейтральный аллофон ($*A_a > *a$), и создавала такой контраст, если ассоциировались специализированные аллофоны ($*A_e > *e$ и $*A_o > *o$). Естественно, что контрастные огласовки при трансгрессии имели больше шансов на обочение в специальном значении, поскольку они выделяли морфологизованные формы из общей массы неморфологизованных дериват. По аналогичному принципу контрастной специализации возникли, например, в системе русского глагола не восходящие к ПИЕ $*\bar{c} >$ общеслав. \bar{a} видовые огласовки в таких формах, как *выколачивать*, *похотывать*, *унаваживать* и пр., с той лишь разницей, что здесь, наоборот, фоном послужила преобладающая огласовка *o*, а контрастной явилась более редкая в системе славянских чередований огласовка *a*.

В конечном счете СИЕ контрастная специализация аллофонов ($>$ фоном) привела к тому, что в морфологии огласовки $*e$ и $*o$ стали преобладающими, тогда как в словообразовании огласовка $*a$ не была вытеснена полностью. Немногочисленные остаточные случаи сохранившихся до ПИЕ чередований $*a$: $*e$, $*a$: $*o$ или $*a$: нуль (из $*ъ$) без исключения имеют деривационный характер¹. Гораздо чаще встречается ПИЕ $*a$, не участвующее в чередованиях; оно также представляет собой реликтовую часть морфологически-нейтрального фона: вопреки тому, что огласовке $*a$ многие приписывают исключительно или преимущественно вторичное происхождение, в действительности лишь меньшая часть огласовок $*a$ получила свой тембр от заднеязычного спиранта $*x$, основная же масса их представляла собой в ПИЕ пережиток древнейшего, фонового слоя индоевропейского вокализма, либо не подвергавшегося морфологической трансгрессии (греч. *κατ᾽*), либо устоявшего против нее благодаря смежным заднеязычным согласным (греч. *κακῆ*, лат. *casare*).

Морфологизация чередований $*e/*o/*ъ$ была третьей фазой генезиса индоевропейского аблаута; условимся называть ее периодом морфологических чередований. С этим периодом закончилось формирование основных ступеней качественного аблаута, придавшего ПИЕ словообразованию и словоизменению столь характерный облик. Нам представляется, что индоевропейский аблаут есть не только и не столько результат чисто фонетической эволюции, сколько продукт возникших и развивающихся словообразовательной и морфологической систем.

Хронологически следующим пластом индоевропейской морфологии были окончания, т. е. морфемы, возникшие главным образом из служебных частиц (местоимений, послелогов, указательных энклитик и т. п.; см., например, стр. 15). Появление самостоятельных $*e/*o$ -огласовок в морфемах этого рода могло произойти не раньше, чем прекратилось действие закона пенультимности синлабемы (стр. 10); данное соображение вполне согласуется с тем, что для полной грамматикализации и возобладания в морфологии $*e/*o$ -вокализма необходимо было достаточное время. На этом основании мы можем выделить с т а р ш и й СИЕ, отнеся к нему периоды синлабических и трансгрессионных чередований, и м л а д ш и й СИЕ, отнеся к нему период морфологических чередований и возникновение словоизменения. Если в старшем СИЕ слово оставалось равным основе, т. е. двухморфемным, то в младшем СИЕ, при начавшемся развитии словоизменения, слово, включив в себя третью морфему — окончание, стало больше своей двухморфемной основы. Этим был сделан существенный шаг, подготовивший полиморфемизацию и самой основы (стр. 8 и 15).

¹ См. примеры, собранные у Хирта: Н. Н i r t, *Indogermanische Grammatik*, Teil II, Heidelberg, 1921.

В условиях, когда одноморфемной основе I *TAr-противостояло несколько основ II (стр. 4): *T₁As-, *T₁Am-, *T₁AP-, *T₁Ar-, получавших каждая свое значение (об этих значениях см. у Мейе во «Введении»), само I состояние коррелятивно превращалось в особую категорию (для глагола, например, видовую), именно недифференцированностью своего значения отличающуюся от категориально-дифференцированных II состояний.

Если за таким противопоставлением I (одноморфемного) и II (двухморфемного) состояний основы закреплялся определенный словообразовательный или грамматический смысл, то при этом неизбежно появлялась тенденция к дифференциации того из состояний, которое участвует сразу в нескольких противопоставлениях. Это положение хорошо иллюстрируется примером русских глагольных видов: от несовершенного вида *писать* были сперва образованы формы совершенного вида *записать*, *списать*, *расписать* и т. п., а затем созданы новые уже дифференцированные формы несовершенного вида *записывать*, *списывать*, *расписывать* и т. д.

По такому принципу недифференцированное *TAr-уступило место позднейшим III *TArчъs->ПИЕ *Ters- (лат. *terre*), III *TArрр->ПИЕ *Terp- (общеслав. *terb-, русск. *теребить* при II *Trep-; ср. англ. *thrill* из **þrepljan*), которые, так же как и I *TAr-, категориально противопоставлены II состоянию, но уже с дифференцированным значением. Понятно, что III (= дифференцированное I) состояние могло возникнуть только после прекращения действия закона пенультиимности слога, т. е. не ранее младшего СИЕ.

Теперь мы можем соотнести классификацию Бенвениста и Куриловича с изложенной выше (стр. 10 и 13) схемой генезиса различных состояний индоевропейской основы:

Тип основы	По Бенвенисту	По Куриловичу	По нашей схеме	Датировка
C ¹ _A C ² _o (<i>ter-</i>)	корень	I форма	I состояние	РИЕ
C ¹ _o C ² _A C ³ _o (<i>tres-</i>)	II состояние	II форма	II состояние	старший СИЕ
C ¹ _A C ² _o C ³ _o (<i>ters-</i>)	I состояние	I форма	III состояние	младший СИЕ

Не всегда генезис III состояния можно датировать младшим СИЕ: некоторые формы, по-видимому, не имели того II состояния, которое могло бы служить отправной точкой для возникновения III. Так, славянское ИДЖ * < ПИЕ * *x'ej-t-* имеет тот же детерминатив, что и ЁДЖ < ПИЕ **x'jex'-t-*; очевидно, что оба детерминатива были присоединены одновременно (ср. санскр. *ē-* < **x'e-*, и *yā-* < **x'jex'-t-*). Т р е т ь я словообразовательная морфема (**x'je-x'-t-*) принадлежит к периоду полиморфемизации, т. е. к ПИЕ; ее поздний для данного случая характер доказывается и тем, что в этом глаголе за пределами славянского она не была употребительной (хотя вообще широко распространена по индоевропейскому ареалу). Сопоставляя этот факт с отсутствием II **x'jet-*, мы вправе заключить, что III **x' e, t-* принадлежит ко в т о р и ч н о м у слою III состояния, имеющему ПИЕ датировку; его можно обозначить как III B — в отличие от СИЕ III A.

Происхождение нулевой ступени огласовки (т. е. редукции **ъ* в нуль) связано с полиморфемизацией основы: рост числа морфем имел следствием ослабление их элементов (стр. 8) — вплоть до исчезновения наиболее неустойчивых из них, в данном случае пазвука **ъ*. В тех немногих позициях, где фонетическое удобство диктовало его сохранение, мы находим его в виде *shva secundum*.

С редукцией пазвука и образованием нулевой ступени аблаута связаны два ПИЕ явления, следовавшие одно за другим: сперва, в старшем ПИЕ (стр. 16), — возникновение закона единственности гласного в слове (**x'émj:* **ximés*), а затем, в младшем ПИЕ, — вокализация сонантов, вызванная к жизни этим законом и после передвижения тона на вокализованный сонант положившая конец его действию (см. стр. 14—15).

Возникновение долгой неконтракционной ступени аблаута также связано с полиморфемизацией и редукцией пазвука (см. стр. 8—9); оно должно быть датировано ПИЕ — по крайней мере для большинства случаев (при меньшинстве — еще более позднего происхождения). Что же касается контракционных долгот, обусловленных падением небных спирантов, то их следует датировать эпохой после распада индоевропейского праязыка на диалекты (стр. 17). Образование новых ступеней аблаута в не-

которых индоевропейских языках продолжалось и после падения пебных спирантов¹.

Мы не случайно не затрагивали до сих пор вопроса о роли индоевропейского тона. Некоторые соображения заставляют предполагать, что в РИЕ он играл совершенно особую роль, кардинально изменившуюся при переходе к ПИЕ. Учитывая, что РИЕ консонантизм состоял из 19 шумных (стр. 8) и 6 сонантов, т. е. 25 согласных, причем сочетания шумных полярной интенсивности исчезли вследствие динамической ассимиляции (стр. 8), мы получаем $25 \times 25 - 25 - 5 \times 5 = 575$ возможных случаев корней. А priori можно полагать, что в языке скотоводческих племен (РИЕ *PPLx «пасу, пасти», лат. *pā-scō*, ст.-слав. *па-сх*), знакомых с земледелием (РИЕ *xLx «пашу, пахать», лат. *ar-ō*, ст.-слав. *ор-х*), гл количество слов-корней было значительно больше.

Просмотр этимологических словарей индоевропейского праязыка показывает чрезвычайное обилие омонимов: основная масса корней имеет по 2—3 (иногда и более) значения. Вопросу об омонимии индоевропейских корней посвящена одна из недавних работ Бенвениста², в которой прямо указывается на значительно большие, чем это принято было считать, размеры данного явления.

По всем данным, РИЕ был языком изолирующего строя и двухсогласных корней. В таких языках относительная немногочисленность корнеслова нередко восполняется фонологически используемой политональностью. Поэтому можно предполагать, что и РИЕ обладал несколькими тонами силлабемы, используемыми для с м ы с л о р а з л и ч е н и я (вероятнее всего тремя или четырьмя; это можно установить по индоевропейскому корнеслову), и что, следовательно, «омонимия корней» в действительности не существовала: РИЕ *k'Anz «род, рождать» (лат. *genus*) и *k'Anz «знать, уметь» (ст.-слав. *знати*) отличались друг от друга музыкальным рисунком силлабемы. Общее количество корней в этом случае было порядка двух тысяч, что гораздо более вероятно, чем 575.

Старший СИЕ еще сохранял фонологическое качество тонов, но место их в слове после диморфемизации сделалось подвижным, т. е. морфофонетическим, причем одновременно с чередованием *A : *ʔ (стр. 10) возникло чередование тонированного слога с атоначеской группой.

В младшем СИЕ после фонологизации *e и *o, прекращения действия закона пенультиимности силлабемы и возникновения трехморфемного слова (стр. 12) создались новые условия: с одной стороны, благодаря возникновению смысловой дифференциации за счет второй морфемы, потребность в смыслоразличительном противопоставлении мелодических рисунков гласного резко уменьшилась, с другой стороны, морфологическое чередование *e : *o : *ʔ, охватывая целые разряды слов с р а з н ы м и тонами, вело к трансгрессионной и и в е л и р о в к е тональных различий. Совокупное действие этих двух факторов привело к конвергенции всех тонов в два: высокий (в ударных слогах) и средний (в неударных слогах), чередование которых стало чисто морфологическим средством, продолжавшим, впрочем, оставаться никак не связанным с *e- и *o-тембрами гласного.

Если в старшем ПИЕ морфологизованные тона оставались подвижными, то в младшем ПИЕ после тематизации основ опять, как и в РИЕ, но уже на совершенно иной базе для ряда парадигм (главным образом, глагольных) восстанавливается неподвижность тона (санскр. *bhārāmi*, *bhārasī*, *bhāratī*, *bhārāmaḥ* и т. д.).

После вокализации сонантов (стр. 13) и закрепления места тона в тематических глагольных основах оказалась возможной трансгрессия тона на гласный сонант — сперва только в тех случаях, когда такой сонант оказы-

¹ Например, в германском; этому вопросу была посвящена кандидатская диссертация автора настоящей статьи «Внутренняя флексия в глагольной системе германских языков» (Л., 1955), см. автореферат (Л., 1956).

² E. B e n v e n i s t e, Homophonies radicales en indo-européen, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», vol. 51, fasc. 1, 1955.

вался на месте, параллельном месту аблаутного гласного, а затем и в любой позиции.

Переходя к характеристике эволюции ИЕ морфологии, отметим, что наименее доказуемым является предположение о дофлексивном РИЕ периоде. Тем не менее оба крупнейших представителя классической индоевропеистики Бругман и Мейе не сомневались в существовании подобной эпохи в истории праязыка: для Бругмана это был корневой период (*Wurzelperiode*), для Мейе — эпоха неизменяемых слов. Решающее доказательство существования такого периода может быть дано только при установлении неоспоримого родства индоевропейского праязыка с праязыком какой-либо иной семьи, обнаруживающим в своей древнейшей стадии аналогичное состояние. До тех пор, пока такого решающего доказательства не дано, мы остаемся в сфере гипотез, обладающих определенной вероятностью, но проверяемых лишь законами логики и обобщенными законами развития языков.

Развитие индоевропейской морфологии началось после и на основе развития первичных типов индоевропейского словообразования. Эта идея вполне отчетливо выражена у Бенвениста; игнорирование ее дезориентировало Боргстрёма и помешало ему отделить действительно древние (старший СИЕ) явления генезиса индоевропейской двухморфемной основы от таких относительно поздних явлений, как образование некоторых тематических форм (младший ПИЕ). Несомненно, что значительная часть ПИЕ аффиксов возникла из агглютинированных частиц уже в ПИЕ период и хронологически гетерогенна древнейшему слою ИЕ морфем.

Исследуя происхождение грамматикализованных морфем, необходимо учитывать фактор переразложения (= переинтеграции), которым в свое время много занимались представители казанской школы Бодуэн де Куртенэ и Крушевский¹. Именно к переинтеграции сводится, например, возникновение греческих глагольных форм на -θ- из ПИЕ образований на *-th-, подробно рассмотренных Бенвенистом. Игнорирование процессов переразложения приводит Шпехта к чрезмерному упрощению и к отсутствию необходимой относительной хронологии в понимании генезиса индоевропейского склонения.

Примером переразложения может служить образование атематического окончания 3-го лица единственного числа. Сравнивая между собой так называемые «первичные» (в действительности более поздние) окончания 3-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа, мы видим, что они имеют общий элемент *-ti: *x'es-ti и *x's-elon-ti; отношение вычлепляемых при этом основ очевидным образом приводит нас к древнейшему слою СИЕ словообразования: *x'ʎsʎ, в котором второй член пропорции исторически представлял собой морфологизованный дериват (стр. 11).

После агглютинации окончания 3-го лица *-ti (младший СИЕ) две последние морфемы вновь возникшей формы множественного числа стали восприниматься как единое целое; произошло переразложение *x'se lon-ti в *x's-e/-enti, результатом чего был «перенос» морфологической огласовки из основы в окончание. А б л а у т с к л а д ы в а л с я в н у т р и о с н о в ы, п р о н и к н о в е н и е е г о в о к о н ч а н и е е с т ь р е з у л ь т а т р а з л и ч н о г о р о д а п е р е р а з л о ж е н и й.

Следствием полиморфемизации основы и обусловленной этим редукции пазвука оказался закон единственности гласного в слове, просуществовавший до вокализации сонантов (стр. 13). После того как сонанты получили слогообразующую функцию, оказалась возможной и, более того, часто встречающейся множественность гласных в слове. А это, в свою очередь, сделало возможной трансгрессию *e/o-огла-

¹ См.: И. Бодуэн де Куртенэ, Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний, РФВ, т. XLVIII, 1902; Н. Крушевский, Очерк науки о языке, Казань, 1883.

совки из одних окончаний (стр. 15), где были условия для переразложения, в другие, где таких условий не было. Так возникли, например, трансгрессивно-однородные по огласовке аористопрезентные глаголы¹ (т. е. тип санскр. *tudati* был образован трансгрессией огласовки исходного *tudanti*), а затем по этому же принципу — и тематические глаголы. Исходная атематическая парадигма **phér-ti* (лат. *fert*, санскр. *bhárti*): **phrónti* была заменена парадигмами с последовательно возрастающей трансгрессивной однородностью: **phéreti*: **phrónti* > **phéreti*: **phérónti* и, с закреплением акцентуации (стр. 14), — **phéreti*: **phéronti*.

Таким образом, тематизация основ явилась следствием трансгрессионных процессов, подготовленных возникшей после полиморфемизации множественностью гласных в слове: для темы **e/o* не следует искать какого-либо особого грамматического значения (все попытки установить такое значение, как известно, ни к чему не привели). Тематизация была длительным и неравномерным процессом, не закончившимся даже к моменту распада индоевропейского праязыка: так, в прагерманском мы находим тематизованными и те глаголы, которые в ПИЕ повсеместно оставались еще атематическими (гот. *itan* при санскр. *ad-mi*, ст.-слав. *ѣмь*). Это дает нам основание для деления ПИЕ на два периода: с т а р ш и й ПИЕ — от полиморфемизации основы до вокализации сонантов и возникновения тематических форм — и м л а д ш и й СИЕ — от тематизации основ до завершения распада праязыка на диалекты. Если младший СИЕ был периодом становления словоизменения в его простейших типах, то старший ПИЕ явился периодом полного развития атематических форм, а младший ПИЕ — периодом дальнейшего развертывания морфологии в ее тематических формах.

Принципиально важная проблема генезиса частей речи решалась по-разному. Одними, от Болпа до Хирта², выдвигался тезис об именном происхождении индоевропейского глагола; другие, как, например, Мейе, считали, что древние индоевропейские корни имели двойственную глагольно-именную природу. К такому же выводу привели Бенвениста его анализы двух состояний индоевропейской основы. Точка зрения Мейе и Бенвениста находит себе косвенное подтверждение в данных тех языков, которые типологически сходны с РИЕ (стр. 14): вьетнамский или индонезийский корень может быть одновременно и глагольным, и именным.

Согласно Бенвенисту, различие между глагольными и именными основами начинается с прибавления распространителя, т. е. третьей морфемы: первичная глагольная основа, образованная от III состояния (в схеме Бенвениста — I состояния; см. стр. 13), могла иметь не более двух морфем в нулевой огласовке, тогда как именная основа, расширенная из III состояния, могла иметь три и более морфемы с нулевой степенью аблаута. Данная закономерность должна быть датирована старшим ПИЕ: ранее, в СИЕ, основа была еще двухморфемной, позднее, в младшем ПИЕ, сформировались тематические типы отыменных глагольных основ, на которые эта закономерность уже не распространялась.

В ПИЕ глагольной системе особое место занимала инфикация основ; очевидно, что она не могла возникнуть ранее полиморфемизации (т. е. в СИЕ) и позднее тематизации (т. е. в младшем ПИЕ), поскольку она широко представлена в атематических основах; ее генезис следует представлять себе как результат новых системных соотношений, возникших вследствие полиморфемизации. Рассмотрим их на примере СИЕ I **phéi*-: форма III **phéit*- (санскр. *bhedaḥ*, гот. *beitan*) предполагает форму II **phiet* (стр. 13), от которой при расширении основы было образовано IV **phitek*- (санскр. *bhidakāḥ*); от иносуффиксального II **phien*- было таким же образом получено

¹ Их аористопрезентная функция — результат позднейшего развития видовременной системы.

² F. B o p p, *Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Lithauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen*, Abt. IV, Berlin, 1842; H. H i r t, *Handbuch des Urgermanischen*, Teil III, Heidelberg, 1934.

IV **phinet-* (вед. *bhínádmī*). При контаминации двух рядов производных:

I **phēi-*: [II **phiet-*]: III **phēit-*,
I **phēi-*: [II **phien-*]: IV **phinet-*,

однородно-суффиксальные формы III **phēit-* и IV **phinet-*, взаимодействуя, объединились в одну парадигму (чему, несомненно, способствовала элиминация II состояния). В дальнейшем соотношения данного типа были обобщены и морфологизованы, на почве чего произошло переразложение и прежний суффикс основы стал восприниматься как и н ф и к с. Это в конечном счете и привело в младшем ПИЕ к появлению вторичного слоя инфиксальных основ типа греч. λαμβάνω (при ἐλαβον), ст.-слав. **ЛЯГХ** (при **ЛОЖИТИ**), гот. *finfan* (при лат. *petō*). Характерно, что состав основ с такого рода инфиксацией у каждого диалекта свой, что и доказывает ее позднейшее происхождение.

Другая специфическая черта индоевропейской глагольной системы, а именно удвоение, также одновременного происхождения. Презентное удвоение с **i* (греч. τίθημι) появилось не позднее тематизации, т. е. относится к старшему ПИЕ. Перфектное удвоение типа греч. τέτροφα во всяком случае не старше множественности гласных в основе (стр. 15) и возникло на рубеже между младшим и старшим ПИЕ. Лишь корневое удвоение типа лат. *tutudi*, ст.-слав. **ГЛАГОЛЖ**, предполагающее отчетливое еще выделение двухслогового корня в качестве морфемы (стр. 5), должно быть отнесено к более древнему слою морфологии, т. е. к младшему СИЕ; оно именно и послужило отправной точкой для развития ПИЕ форм удвоения.

Генезис классов инфекта и перфекта не старше морфологизации чередования гласных, т. е. относится к младшему СИЕ; разделение группы инфекта на презенс и аорист не старше редукции пазвукa, т. е. датируется старшим ПИЕ.

Начало образования индоевропейской временной системы, связанной с противопоставлением «первичных» окончаний «вторичным», относится к эпохе формирования окончаний (к младшему СИЕ), завершение же этого процесса, судя по судьбе имперфектного приращения, происходило в эпоху распада на диалекты (младший ПИЕ).

Лишенные окончания 2-е лицо единственного числа императива датируется старшим СИЕ; сослагательное наклонение, с его тематической суффиксацией, возникло не раньше младшим ПИЕ. В опативе выделяют два слоя: атематический опатив, сложившийся не ранее полиморфемизации основы (старший ПИЕ), и более поздний тематический опатив (младший ПИЕ).

Форма звательного падежа¹ восходит, подобно императиву, к старшему СИЕ. Различие именительного и винительного падежей неотделимо от противопоставления общего и среднего рода: и то и другое уже существовало в эпоху атематических основ. Прямые падежи оформились в младшем СИЕ периоде.

Родительный падеж обнаруживает в окончании развитое аблаутное чередование и значительно менее однороден по диалектам: он возник позже обоих прямых падежей и относится к старшему ПИЕ. Остальные косвенные падежи либо датируются младшим ПИЕ, либо завершали свое формирование уже в отдельных индоевропейских диалектах.

Долгота окончаний двойственного числа говорит о весьма позднем его происхождении (младший ПИЕ). Противопоставление единственного и множественного числа является сравнительно ранним, хотя и более поздним, чем противопоставление друг другу прямых падежей (ср. атематич. винительный падеж единственного числа *-n̥, множественного числа *-ns), т. е. относится к старшему ПИЕ.

Возникновение категорий общего и среднего рода было современным началу становления падежной системы (младший СИЕ). Выделение жен-

¹ Речь идет только о форме: значение звательности закрепилось гораздо позже, коррелятивным путем. То же следует сказать и о значении императива.

ского рода в самостоятельную категорию было связано с формированием основ на *-a-; суффикс этих основ должен быть представлен в виде *-ex-, т. е. оказывается структурно сходным с многочисленными суффиксами вида *-eloc-(греч. ἐλεῖν-εργος). Следовательно, для основ женского рода характерна полная огласовка и корня и суффикса (ст.-слав. жена, гот. *gino* < **k^uenéh*), что указывает на ПИЕ происхождение этих основ. Отсутствие формальной родовой дифференциации внутри общего рода в атематическом склонении и в ряде типов прилагательных уточняет датировку женского рода в пользу младшего ПИЕ. Уместно завершить наш анализ своего рода синтезом и рассмотреть совокупность диахронических моментов в синхроническом плане.

Раннеиндоевропейский период. Строй языка: изолирующий (типа вьетнамского). Фонетика: динамическая градация глухих шумных (по четырем степенями интенсивности); три ряда небных (включая три небных спиранта); вокализм из тонированной слолабемы и не тонированного пазвука; фонологическая политональность; динамическая ассимиляция шумных смычных в корне. Словообразование: корень, состоящий из одной морфемы, равен слову; производное значение получается в словосочетании с другим корнем или частицей-модификатором. Морфология: словоизменение отсутствует; грамматическое значение выражается или порядком слов, или словосочетанием со служебными словами; части речи не имеют формального различия.

Старший среднеиндоевропейский период. Граница: диморфемизация основы. Строй: агглютинирующий (типа индонезийского). Фонетика: первый индоевропейский перебой (динамическое ослабление шумных смычных); пеньультизмность слолабемы; слолабическое и трансгрессионное чередование ее аллофонов; подвижность тонов. Словообразование: II состояние. Морфология: первичная грамматикализация производных основ.

Младший среднеиндоевропейский период. Граница: возникновение словоизменения. Строй: несложно-флективный (типа древнеегипетского). Фонетика: три гласных полного образования и один редуцированный; морфологический аблаут, конвергенция тонов. Словообразование: III состояние; корневое удвоение. Морфология: появление окончаний; раздельная флексия имени и глагола; два прямых падежа; общий и средний род; инфект и перфект; различие двух времен в системе инфекта.

Старший позднейиндоевропейский период. Граница: полиморфемизация основы. Строй: развито-флективный (типа классического арабского). Фонетика: II индоевропейский перебой (ослабление небных спирантов); возникновение долгих; редукция пазвука; единственность гласного в слове. Словообразование: трехморфемная основа; переразложение основ; различие именных и глагольных основ; инфиксация; некорневое удвоение. Морфология: флективное выражение числа в имени; гепитив; аорист, опатив (атематический).

Младший позднейиндоевропейский период. Граница: тематизация основ. Строй: фузионно-флективный (типа древнеиндийского). Фонетика: вокализация и тонирование сонантов; множественность гласных в слове; циркумфлекс. Словообразование: тематические основы; фузия темы и окончания. Морфология: женский род; сослагательное наклонение; тематический опатив; дательный, творительный, местный и отложительный падежи; двойственное число.

В заключение несколько слов о родстве индоевропейского с праязыками других семей (например, с прасемитохамитским или с прафинноугорским): когда ранняя доистория последних будет раскрыта методом внутренней реконструкции, полученные результаты уместно будет сравнить с тем, что покажет приложение данного метода к индоевропейскому материалу. Если при этом обнаружится сходство, тогда — и только тогда — оно будет действительно доказательным.